

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (29 ноября 1856, имение Гудаловка, Липецкий уезд Тамбовской губернии — 30 мая 1918, Питкиярви, Финляндия) — обществовед, публицист, один из основателей РСДРП. Из мелкопоместных дворян. После окончания Михайловской военной гимназии в Воронеже (1873) поступил в Константиновское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, однако вскоре, ре-

шив отказаться от военной карьеры, его оставил. Не был завершен и курс в Горном институте столицы (обучался в 1874—1876); посылы о важности «служить народу», «бороться с деспотизмом» обозначили новые приоритеты: с конца 1875 г. молодой Плеханов втягивается в народническое движение.

Заметным было участие Плеханова в обществе «Земля и воля», стоявшем в основном на платформе бакунизма. В нем он приобрел опыт занятий в фабричных и заводских кружках (см. мемуарный очерк Плеханова «Русский рабочий в революционном движении», 1890), зарекомендовав себя «специалистом по рабочему вопросу». 6 декабря 1876 г. выступил с речью политического характера перед студентами и рабочими у Казанского собора Санкт-Петербурга. После этой «Казанской демонстрации» Плеханов вынужден был перейти на нелегальное положение. В целях революционной агитации и организации бунтарских выступлений выезжал в Саратовскую губернию

и на Дон. Под знаком верности народничеству прошло первое пребывание за рубежом (весна – лето 1877); Георгий Валентинович посетил Швейцарию, Германию, Францию, познакомился с П.А. Кропоткиным, П.Л. Лавровым, П.Н. Ткачевым, другими политическими эмигрантами из России. Весной 1878 г. Плеханов участвовал в редактировании обновленного варианта программы «Земли и воли». Склонность Плеханова к серьезной интеллектуальной работе подтвердила и его статья «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», опубликованная в подпольной газете «Земля и воля» (1879, январь – февраль, № 3-4), одним из соредакторов которой он был. В этой статье, Плеханов, в частности, выразил уважительное отношение к учению К. Маркса, что не дает, однако, оснований считать, что уже в то время начался его поворот к марксизму; защита и развитие землевольческого бакунизма определяют основное содержание этой публикации.

После раскола в августе 1879 г. «Земли и воли» Плеханов встал во главе группы «Черный передел» (организационно оформилась в октябре 1879), которая отдавала приоритет «старым задачам»: подготовке трудовых масс, прежде всего крестьянства, к широкой «социальной революции» путем пропаганды среди них социалистического мировоззрения. Однако угроза ареста вынудила Плеханова, а также В.И. Засулич, Л.Г. Дейча, Я.В. Стефановича в январе 1880 г. нелегально покинуть Россию (органы сыска относили их — в данном случае явно необоснованно — к числу вдохновителей террористических актов и покушений на царя). Плеханов надеялся использовать временное нахождение за рубежом, чтобы теоретически разобраться в идейном хаосе и противоречиях задач и тенденций русского революционного движения. Разумеется, он не мог предполагать,

что пребывание на чужбине будет столь долгим (до весны 1917; жил в основном в Швейцарии, а также во Франции, Великобритании, других европейских странах).

Главным образом на годы эмиграции приходится вклад Плеханова в развитие общественной мысли. Этот вклад неразрывно связан с марксизмом. С некоторыми марксистскими трудами он был знаком еще в 1870-е гг., тем не менее его переход от народничества к марксизму в значительной степени выглядел «умственным переворотом». Этот «переворот» стал выходом из личного идейного кризиса, в котором отразился кризис народничества в России, совпавший с все более успешным распространением марксистского учения в Европе. Марксизм открывал для Плеханова новое, просторное поле для его деятельности как революционера-социалиста. Переход под знамя марксизма (сам Плеханов относил его к 1882) пример того, как при сохранении целевых установок - революционная борьба против царизма и за социалистические идеалы - относительно быстро воспринимается новая ценностная система радикальных взглядов. В мае 1882 г. вышел в переводе Плеханова на русский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса с их предисловием для этого издания. Плеханов писал, что вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» «начал новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы - эпоху критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма»¹. Образование в сентябре 1883 г. в Женеве первой группы марксистов «Освобождение труда» (кроме Плеханова в нее вошли П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич, В.Н. Игнатов) подтвердило, что рождается новое, социал-демократическое направление в русской революционной мысли, что интернационалистский по своему характеру марксизм предлагается как теоретическая и идеологическая основа для развития социалистического движения в России. Не случайно, что острие первых марксистских работ Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885) было направлено против идеологии и практики революционного народничества. Однако его вывод, что народнический социализм отжил свой век и должен быть отброшен, оказался явно поспешным.

Плеханов, оценивая возникновение марксизма как великую революцию в человеческой мысли, в социальных науках, подчеркивал «цельный, гармонический и последовательный» характер этого миросозерцания, в котором он выделял диалектический и исторический материализм, политическую социологию и политическую экономию. Особенно много Плеханов занимался философией, активно защищая сущностное единство марксистского материализма и диалектики. Это было тем более важно, что многие социалисты, как в России, так и за рубежом, занимаясь практической деятельностью, относились индифферентно к философии или находились под сильным влиянием позитивизма. Новизна и значимость марксизма как теоретической доктрины, как «философии действия» раскрывались Плехановым в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1894), способствовавшей воспитанию новых поколений революционных социалдемократов. Свое понимание философии марксизма – по отдельным содержательным вопросам несколько упрощенное и огрубленное - он развивал и пропагандировал в таких трудах, как «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898), «Основные вопросы марксизма» (1908). В марксизме, по его мнению, нет никакого философского «вакуума», который нужно было бы «заполнять» заимствованиями из других теорий.

Основы революционного марксизма активно отстаивались Плехановым не только среди российских, но и зарубежных социал-демократов, во II Интернационале.

Вместе с тем для Плеханова характерен своеобразный культ марксизма, он готов сделать прокрустово ложе из марксистской ортодоксальности, что не могло не вести к проявлениям схематизма, а иногда и догматизма. Цитаты из работ Маркса и Энгельса нередко подавались, причем не всегда в адекватном контексте, в качестве решающего аргумента в ходе идейных дискуссий. Показательно, что для Плеханова была недопустима любая критика стержневых положений марксизма, как неприемлемы и «другие социализмы», - они чужды его тезаурусу. Отсюда острая, а нередко и грубая полемика с народниками, как позднее и с неонародническими социалистамиреволюционерами, пренебрежительно объявлявшимися «тоже социалистами» и даже «буржуазными демократами». Отсюда непримиримая борьба с ревизионизмом в его различных вариациях, будь то бернштейнианство, русский «экономизм» или, позднее, после революции 1905-1907 гг., «ликвидаторство» меньшевиков и «философский ревизионизм» большевика А.А. Богданова. Как правило, Плеханов был не склонен признавать наличие даже зерен рациональности у идейных «еретиков», покушавшихся на «классический» марксизм, в том числе в его собственном толковании. Зачастую он не желал глубоко вникать в приводимую ими аргументацию; отсюда преобладание у него не конструктивной, а обвинительной, негативистской по своему характеру и тону критики. При этом главные причины «ереси» нередко сводились к недостатку научных, теоретических знаний у оппонентов. В отношении «неправоверных» Плеханов следовал примеру Св. Бернара, с которым однажды сравнил себя: «Святой Бернар говорил когда-то: «У меня есть Евангелие, и если бы ангел спустился с неба и стал противоречить ему, — анафема самому ангелу!»². Такая позиция приводила к тому, что Плеханов волей-неволей накладывал печать самоограничения на свое интеллектуальное творчество.

В научной и популярной литературе нередко пишется о Плеханове как «основоположнике русского марксизма». Такое обобщение нуждается в дополнительном осмыслении, поскольку не выработано само понимание «русского марксизма», которое вряд ли тождественно формуле «марксизм в России». Плеханов «"национализировал" марксистскую теорию и тем самым денационализировал русскую революционную мысль»³. Но он как поборник ортодоксальности никогда не стремился к созданию некой своей версии марксизма, которую в силу ее своеобразия можно было бы отнести к «русской» (см. также статью «Ленин» в настоящем издании). Плеханов полагал, что не только важнейшие положения марксизма с его универсальной теорией, но и прежний исторический опыт марксистского решения конкретных проблем в странах Западной Европы можно путем аналогии успешно использовать в России, прибегая по необходимости к его конкретизации. Плеханов - мыслитель, теоретик, но не революционер, преобразующий теорию, ее основные положения и выводы. Показательно также, что для него, в общем и целом, характерен примат теории над практикой. Отмеченное не исключает, разумеется, признания значительного вклада Плеханова в конкретизацию и дополнение положений марксизма, а также их адаптации к России.

Плеханов много занимался марксистским обоснованием закономерностей исторического процесса, не ограничиваясь при этом разъяснением известных общих положений. Так, он предложил своего рода пятичленную формулу, раскрывающую субординацию различных факторов в процессе развития человеческой истории: 1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной социальной основе; 4) психология общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие свойства этой психологии⁴. В этой формуле особое значение имел акцент на значение социально-психологического фактора общественного сознания, выступающего промежуточным звеном между социально-политическим строем и идеологическими надстройками. Этот акцент нашел выражение и при обобщениях опыта первой русской революции 1905-1907 гг. По мнению Плеханова, революционеры плохо знали, а потому и мало принимали в расчет социальную психологию народных масс, ориентируясь в основном на настроения демократической интеллигенции и узкого политизированного слоя рабочих.

Плеханов стал автором и крупного, новаторского по своим марксистским подходам труда «История русской общественной мысли» (не завершен; Т. 1–3, М., 1914–1917), в котором рассматривалась эволюция идей с учетом многофакторности и особенностей исторического развития России. Его перу принадлежат также работы, посвященные русским мыслителям XIX в. – В.Г. Белинскому, А.И. Герцену, Н.Г. Чернышевскому и др. Плеханов отмечал, что «революционеры-демократы» сделали огромный шаг вперед по пути осмысления закономерностей развития природы и общества, подготовив тем самым почву и для последующего восприятия марксистского учения.

Передовая общественная мысль в России неотвратимо развивалась по направлению к марксизму.

Проблематика, относящаяся к России, развитию в ней рабочего и социал-демократического движения всегда была в центре внимания Плеханова-эмигранта. Как «социалист-западник», с позиций детерминизма, непреложных «законов истории» он отстаивал идеи однолинейного прогресса, обосновывая объективную неизбежность - по примеру стран европейского Запада - поступательного развития капитализма в России. Но не столько капитализм как таковой интересовал Плеханова. Для него было важно, что зрелый капитализм создает материальные и социокультурные предпосылки для социализма как «действительности будущего», что при капитализме взращивается и умножает свои силы новый демиург исторических преобразований - промышленный пролетариат, проходя школу политического воспитания и классовой борьбы. Плеханов впервые показал, что в России именно пролетариату будет принадлежать решающая революционная роль в борьбе против самодержавного режима, за дальнейшую европеизацию страны. (Под пролетариатом, как правило, имелись в виду постоянные заводские и фабричные рабочие, порвавшие прежние связи с землей).

На рубеже XIX—XX в. Плеханов активно участвовал в работе по определению идейных и организационных основ революционной социал-демократической партии в России, был членом редакции общероссийской марксистской газеты «Искра» (1900—1905) и теоретического журнала «Заря» (1901—1902), основным автором теоретической части программы РСДРП, принятой на ее II съезде (Брюссель – Лондон, июль – август 1903). В 1903—1905 гг. он возглавлял Совет РСДРП. Причем вначале

у него доминировали общие с В.И. Лениным подходы к построению и деятельности РСДРП, однако позднее, после раскола партии в 1903 г., все более заметно проявлялись разногласия. В этой связи показательны, в частности, акценты Плеханова на то, что партия должна быть сознательной выразительницей объективного исторического процесса, закономерно «работающего» на пролетариат, на социалистическое будущее. Революционность пролетариата, полагал Плеханов. вытекает, прежде всего, из его жизненного бытия, порождаемого самой капиталистической системой, и задача партии в том, чтобы, воспитывая классовую сознательность, развивать эту революционность, направлять ее в «правильное», социалистическое русло. Партия - это важнейшая форма организации революционной активности масс. В отличие от Ленина, партия у Плеханова, будучи авангардом рабочего движения, не стоит над этим движением, а профессиональные революционеры не подминают под себя всю партию, в которой, как утверждал Георгий Валентинович, должна быть богатая внутренняя жизнь. Не случайно, что он выступал против «крайней централизации» в РСДРП, считая, что это может негативно сказаться на активности членов партии, а также сузить ее опору в рабочем движении. После раскола РСДРП на II съезде Плеханов до конца октября 1903 г. был на стороне большевиков, но потом примкнул к меньшевикам, надеясь, среди прочего, что это поможет восстановить единство партии, помешать утверждению в ней ленинской авторитарности.

С позиций марксистской ортодоксальности, на которой должна базироваться партийная идеология, Плеханов разрабатывал стратегию и тактику революционной борьбы. Важное значение имела заимствованная у Маркса двухстадиальная

модель революции, использованная применительно к России. В рамках этой модели разделялись буржуазно-либеральная (буржуазно-демократическая) и собственно социалистическая стадии, при этом Плеханов всегда выступал против их совмещения, забегания вперед и, в частности, против преждевременного социалистического переворота, пока не будет достигнут относительно высокий уровень экономического развития страны и классового сознания пролетариата. Этим объясняется непринятие Плехановым во время революции 1905-1907 гг. теории Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, а также теории «перманентной революции» Троцкого. Позднее, после свержения самодержавия в феврале 1917 г., Георгий Валентинович резко осудил курс вождя большевиков на непосредственную подготовку социалистического переворота. В этом контексте понятны и оценки Плехановым взятия власти большевиками в октябре 1917 г. как насилия над историей, как явной авантюры.

Ортодоксальность Плеханова серьезно сказалась на его взглядах о расстановке классовых и общественно-политических сил, на определении стратегии и тактики РСДРП. Критикуя непоследовательность и нерешительность буржуазных либералов, Плеханов, тем не менее, видел в них союзников пролетариата в борьбе с самодержавием, за демократизацию России. После начала в январе 1905 г. революции в России он выдвинул лозунг «Врозь идти, вместе бить», предусматривавший объединение усилий пролетариата и либеральной буржуазии, «всего общества» в целях сокрушения здания царизма. Однако в ходе революции в России Плеханов был вынужден неоднократно отмечать разобщенность и пассивность буржуазных «любителей свободы», их склонность к пустословию. Действенная «револю-

ционная коалиция» с участием буржуазных либералов, необходимость которой обосновывал Плеханов, на практике не сложилась. Что касается крестьянства, то оно, по его мнению, является носителем отсталости, «азиатского начала». Выступления крестьян, особенно во время революции 1905—1907 гг., не могли не поколебать первоначальные выводы Плеханова, но в целом он был склонен рассматривать крестьянство как консервативную силу, ибо его интересы не простираются дальше мелкобуржуазного горизонта. По мнению Плеханова, крестьянство, борющееся за землю, может быть в лучшем случае временным соучастником революционной борьбы, но не единомышленником и союзником пролетариата. На IV съезде РСДРП (Стокгольм, апрель — май 1906) им был поддержан меньшевистский проект муниципализации земли; ее национализацию он считал допустимой только после социалистической революции.

Будучи ортодоксальным марксистом, Плеханов всегда выступал сторонником решительной борьбы с самодержавием, что особенно ярко проявилось после начала первой революции в России. Так, он призывал к массовым выступлениям, вплоть до народного восстания против самодержавия, подчеркивая, однако, необходимость его всесторонней подготовки. Этим объясняются и предостережения Плеханова в канун декабрьских событий 1905 г. в Москве от импульсивных действий, от преждевременного столкновения с правительством, которое, в случае неудачи, может стать поводом для безжалостной расправы над участниками революционной борьбы. Известный вывод: «не нужно было и браться за оружие», сделанный после поражения московского восстания⁵, отнюдь не свидетельствовал, вопреки утверждениям Ленина, о проявлениях «оппортунизма» Плеханова. Он всегда сохранял веру в

высокий потенциал пролетариата как революционного класса, как главной силы в борьбе с самодержавным режимом. Отметим также, что Плеханов во время революции не исключал возможность проведения отдельных террористических актов против гражданского, полицейского и военного «начальства» для дезорганизации сил неприятеля.

В период отступления революции Плеханов выступал за участие социал-демократов в работе Государственной думы, начиная с ее первого созыва в 1906 г., допускал создание блока с кадетами при выборах, поддерживал отдельные внедумские действия социал-демократов с буржуазными либералами. Свою приверженность общей схеме расстановки классовых и политических сил Плеханов сохранял и в дальнейшем. Надеясь на новый подъем революционной волны, он призывал не форсировать события, а сосредоточиться на воспитании политической сознательности пролетариата, на собирании и умножении всех антисамодержавных сил. В целом же, революция 1905-1907 гг. и последующие события выявили, что ортодоксальный марксизм Плеханова в ряде случаев сдерживает поиск новых творческих решений, не всегда учитывает запросы общественноисторической практики, возросшую динамику и особенности классовой борьбы в России и в мире в начале ХХ в. В этой связи показательно, что даже видный идеолог германских социалдемократов К. Каутский, пользовавшийся большим авторитетом у Плеханова, при оценке революционных событий в России проявил в то время больше смелости и реализма (см., например, брошюру Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции», 1906). Можно согласиться с обобщением Н.А. Бердяева, что Плеханов был «революционером более книжным, чем практическим. Он мог быть вожаком марксистской школы

мысли, но не мог быть вожаком революции, как это и выявилось в эпоху революции» $^{6}.$

Взгляды Плеханова служили одним из важнейших компонентов идеологии и политики меньшевизма как более умеренного течения в РСДРП. Однако Георгий Валентинович оставлял за собой право на самостоятельность в позициях и оценках и отнюдь не всегда поддерживал меньшевиков, что проявилось, например, после завершения первой революции в его совместной с Лениным борьбе против так называемого ликвидаторства. При этом прочный союз с большевиками, которых Плеханов предлагал называть не марксистами, а бланкистами (иногда бакунистами), им исключался. В 1908-1909 гг. имел место острый конфликт в редакции многотомного издания «Общественное движение в России в начале XX века» (М., 1909-1914. Т. 1-4). Плеханов объявил А.Н. Потресова (автора статьи в первом томе) в проявлениях «ревизионистских» взглядов, выразившихся, по его мнению, в умалении роли группы «Освобождение труда» и, наоборот, в преувеличенно высоких оценках деятельности «легальных марксистов». Конфликт как таковой вероятно можно было разрешить, но за ним, однако, скрывалась неудовлетворенность Плеханова состоянием меньшевизма, в котором, в частности, развивалось «ликвидаторство». Упреки в идейной нестойкости деятелей меньшевизма сочетались у Плеханова со стремлением утвердить свою точку зрения как единственно правильную. В результате конфликт послужил фоном фактического разрыва Плеханова с меньшевистским руководством (П.Б. Аксельродом, Ю.О. Мартовым, А.Н. Потресовым и др.). Плеханов возглавил течение «партийного», или революционного меньшевизма и стал его главным идеологом, стремясь, как и прежде, выступать под флагом марксистской ортодоксальности,

против крайностей «ликвидаторства» и революционного максимализма большевиков. При этом он выражал надежды на восстановление единства РСДРП на основе общепартийной программы 1903 г. Эти надежды, однако, были иллюзорными, что стало особенно очевидным после проведения большевиками фракционной Пражской конференции (январь 1912) и Венской конференции организаций РСДРП (август — сентябрь 1912) их противниками. Отмеченное не дает, однако, оснований говорить о центризме Плеханова; вообще сомнительно, вопреки бытовавшим в историографии утверждениям, что в социалдемократическом движении России в ходе или после первой революции сложился центризм как идейно-политическое течение со своей системой взглядов (как это было, например, в Германии, Австро-Венгрии и некоторых других европейских странах).

Годы Первой мировой войны (1914-1918) подтвердили кризис европейской социалистической мысли, дав в то же время толчок для ее дальнейшего развития. Как и многие другие социалисты, Плеханов не смог совместить в условиях войны приверженность пролетарскому интернационализму с патриотизмом. Если во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Плеханов выступал за поражение царской России в интересах приближения революции, то теперь он занял социал-патриотические позиции «вынужденного оборончества», обоснованием которого стали утверждения, что победа кайзеровской Германии и ее союзников замедлила бы экономическое развитие, положила бы конец процессу европеизации России, увековечив «старый порядок» и отбросив завоевания пролетариата. Однако все эти аргументы, ссылки на заинтересованность международного пролетариата в перспективах новой полосы активной борьбы с самодержавием после победного (для России и ее союзников) завершения войны не могут заслонить фактический, пусть даже «временный», отход Плеханова от пролетарского интернационализма в прежнем марксистском понимании. О возможностях новой, национально-патриотической революции в России Плеханов стал говорить, и то достаточно осторожно, только с осени 1915 г., при этом выступая против инициатив о сепаратном мире, за продолжение войны. Основной публицистической трибуной для него стала газета «Призыв», издававшаяся с октября 1915 г. на русском языке в Париже. В годы войны углубился кризис марксистской ортодоксальности Плеханова, выход из которого им так и не был найден.

Февральская революция 1917 г. (ее по оценке Плеханова «осуществила страна» в целом) открыла ему дорогу для возвращения из 37-летней эмиграции: в ночь с 31 марта на 1 апреля (13-14 апреля) он прибыл в Петроград. Последующие события, возрастание революционного максимализма опровергали надежды на воплощение в жизнь двухстадиальной модели революции в ранее предлагавшимся им варианте. Призывы о необходимости компромиссного соглашения между предпринимателями и рабочими, примирения и единения общественно-политических сил во имя «закономерного» буржуазно-демократического развития свободной России и спасения ее от внешнего врага не находили поддержки в массах. Плеханов не поспевал за динамичным развитием событий, серьезно влиять на которые ни он, ни его единомышленники по малочисленной социал-демократической группе «Единство» не могли. Революционер-практик из Плеханова не состоялся, да и серьезных возможностей для этого у него в то время не было. Резко отрицательно он отнесся к захвату власти большевиками в октябре 1917 г. В «Открытом письме к петроградским рабочим», датированном 28 октября, он утверждал, что рабочий класс «...еще далеко не может, с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значит, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы, в то же время, величайшим несчастьем и для всей России» Реальный ход истории во многом разочаровывал Плеханова. Это не дает, однако, никаких оснований утверждать, ссылаясь на так называемое «Политическое завещание Г.В. Плеханова» (опубликовано в «Независимой газете» 30 ноября 1999, признано большинством авторитетных специалистов апокрифом), что в последний год жизни он выступил против стержневых положений марксизма, поставив тем самым под вопрос и содержание своей предшествующей деятельности как мыслителя и революционера.

¹ Плеханов Г.В. Сочинения. М., 1923. Т. 1. С. 150.

² Там же. М., Л., 1927. Т. 9. С. 89.

³ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. М., 1990. С. 59.

⁴ См. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Избранные философские произведения. М., 1958. Т. III. С. 179–180.

⁵ Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 15. С. 12.

⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 78.

⁷ Плеханов Г.В. Год на родине. Полное собрание статей и речей, 1917–1918 гг. Paris, 1921. Т. 2. С. 246.

⁸ См. также: Политическое завещание: pro et contra. Липецк, 2006.